

УДК 930:070

КОНСТРУКТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОДНОГО КОНФОРМИСТСКОГО ТЕКСТА

М. А. Литовская

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
marialiter@gmail.com

Предложен анализ текста, который можно считать образцом письма советского конформиста, но контекст его создания позволяет воспринимать доклад В.П. Катаева на Втором съезде писателей СССР (1954) как иносказательно изложенную программу принципиально нового типа молодежного издания – журнала «Юность» (1955), главным редактором которого он был назначен. Рассмотрена специфика содержания и оформления журнала, призванного найти компромисс между официальными требованиями к идейному воспитанию советской молодежи и общесоветским представлением о юношеском возрасте.

Ключевые слова: литературная политика СССР, конформизм, русская литература XX в., журнал «Юность».

Второй съезд писателей СССР, состоявшийся в 1954 г., в период междувременья, от других аналогичных собраний этой организации отличала резкая критическая направленность очень многих выступлений. Писатели обличали литературные нравы предшествующего десятилетия: лакировку действительности, неискренность, бесконфликтность, поощрение серости и иные пороки. Тем неожиданнее было выступление на съезде Валентина Петровича Катаева, который, хотя и входил в число популярных авторов социалистического реализма, являлся орденоносцем и лауреатом Сталинской премии (1944), все же мог считать себя обиженным из-за разгромных статей М. Бубенного и В. Ермилова в центральной печати, требований внести исправления в уже опубликованный роман «За власть Советов» [Бубеннов, 1950; Ермилов, 1949].

Начавшееся задушевными словами «Дорогие товарищи и друзья!» выступление продолжается созданием олеографического психологического портрета «настоящего самородка, гениального художника» Максима Горького – «человека необыкновенно многогранного, интересного», у которого «был очень сложный, даже подчас противоречивый характер»: «В нем удивительно сочетались самые разнообразные элементы: ясное, почти детское простодушие и упрямая несговорчивость, безграничная доброта и непримиримость, пронизательность и доверчивость, веселье и грусть. Он умел быть то по-стариковски вдумчивым и мудрым, то совсем по-юношески порывистым и дерзновенным!» [Катаев, 1954, с.163]. Некоторая фамильярность по отношению к знаменитому автору объясняется личным знакомством выступающего со своим героем: «Однажды мы провели с Горьким в Сорренто великолепнейший вечер, даже ночь, которая пролетела, как сон. Мы разговаривали до зари, смотрели на звезды, пели хором, гуляли, плясали. И Горький плясал больше всех. Прощаясь на рассвете, я спросил у него: – Алексей Максимович, сколько же вам лет? – Семнадцать! – ответил Горький, озорно сверкнув глазами, хотя ему в ту пору было едва ли не все шестьдесят» [Катаев, 1954, с.163]. Мемуарная часть речи завершается констатацией: «Он как раз в это время писал свою самую мудрую и самую зрелую вещь – “Жизнь Клим Самгина”» [Катаев, 1954, с. 164].

После этого докладчик переходит к официальной части выступления, определяя главную его тему: «Но при всем том в характере Максима Горького была одна наиболее ошутимая черта, которая явно выделялась среди всех других и благодаря которой Алексей Максимович Пешков и стал великим Максимом Горьким. Эта черта была партийность. Горький до мозга костей был человек партийный, хотя, кажется, формально к партии и не принадлежал. Впрочем, по отношению к такому гению, как Горький, это и не имеет особого значения. Для художника партийность есть не только формальная принадлежность к партии. Человек не рождается партийцем. Чувство партийности нужно неуклонно и постоянно воспитывать. Воспитывая нас, своих младших братьев, советских писателей, Горький всегда старался привить нам любовь и преданность к Коммунистической партии. Горький знал, что партийность не есть какое-нибудь прирожденное качество человека» [Там же].

Следующий виток мысли оратора связан с постановкой злободневной в рамках задач писательского съезда проблемы взаимоотношения государства и литературы: «Не приходится сомневаться, что Горького-партийца, Горького-большевика воспитал Ленин. Это исторический факт громадного общественно-политического значения. Все мы знаем и никогда не должны забывать о той дружбе, которая в течение многих лет связывала великого вождя Коммунистической партии Ленина с великим писателем земли русской Горьким. Дружеские чувства не мешали Ленину со всей прямотой и чисто ленинской, беспощадной принципиальностью руководить Горьким, подчас указывать Горькому на его ошибки и дружеской, но твердой рукой направлять творчество великого писателя. Переписка Ленина и Горького является для нас вдохновенным примером высокой, требовательной, принципиальной дружбы партии с литературой» [Там же].

Катаев, опираясь на расхожие формулы из газетных передовиц и книг по истории КПСС, повествует о том, как «великий Ленин» «в период столыпинской реакции, ведя самоотверженную и поистине титаническую работу по выковыванию пролетарской партии нового типа, среди множества забот, в самый разгар борьбы за очищение рядов российской социал-демократии от всяческой меньшевистской скверны, от ликвидаторов и отзовистов, от троцкистов и богостроителей, ... ни на минуту не забывал о Горьком и постоянно держал его в курсе всего хода борьбы. Он всегда спешил обрадовать Алексея Максимовича каждой новой победой и не уставал разъяснять Горькому смысл развивающихся событий» [Там же]. Согласно рассказу Катаева, подтвержденному цитатой из письма Горького, именно разговоры с Лениным, возможность поделиться с ним «своими самыми сокровенными мыслями, связанными с этой великой исторической битвой», позволяют талантливому автору выковать мировоззрение «первого писателя-большевика, художественного вождя мирового пролетариата». После революции Ленин всегда внимательно выслушивал мнение Горького, даже если оно казалось ему «беллетристичкой». За это внимание Горький платил Ленину искренней любовью. «Свою любовь к Ленину, к Коммунистической партии Горький всегда старался привить и нам, молодым советским писателям. Горький приложил много усилий, чтобы сделать нашу родную советскую литературу партийной. В этом его колоссальная заслуга не только перед советским народом, но и перед народами всего мира, потому что наша советская литература служит всему трудящемуся человечеству» [Там же].

Далее следует столь же клишированное краткое воспевание «большой, серьезной, творческой дружбы» между «горьковским союзом» и Центральным комитетом «ленинской партии», примером чему «является приветствие, полученное нашим съездом от Центрального Комитета нашей партии» [Катаев, 1954, с.165]. Катаев буквально исполняет гимн партийности, уверяя собравшихся в зале литераторов, что «для того, чтобы написать что-либо порядочное, полезное для народа, нужно твердо стоять на идейных позициях коммунизма» [Там же]. Для придания убедительности своему высказыванию – общему месту тогдашней литературной критики – автор – «формально писатель беспартийный», но обладающий «внутренней, если можно так выразиться, духовной партийностью» [Там же, с.165], имеющий поэтому право не только «родную советскую литературу», но и партию называть «нашей», апеллирует к своему жизненному опыту: «Когда это чувство партийности во мне ослабевало, я писал плохо, когда чувство партийности во мне укреплялось, я писал лучше. Теперь же, дожив до седых волос, на Втором съезде нашем я могу сказать с полным сознанием справедливости того, что я скажу с этой высокой трибуны: только подлинная, глубокая, продуманная и прочувствованная партийность может сделать наш художественный труд полезным народу и создать действительные ценности» [Там же]. Завершается речь призывом сколь эмоциональным, столь и нетривиальным: «Будем же любить нашу партию так, как любил Горький Ленина. Пусть эта любовь с каждым годом растет и крепнет, и тогда нам не страшны никакие трудности!» [Там же].

Выступление вызвало сдержанную реакцию зала, неизбежными аплодисментами были встречены только слова о приветствии ЦК КПСС. В словах Катаева не было ничего скандального или хотя бы острого: ни обличений, ни раскаяния, ни выражения надежд на перемены, ни хотя бы попытки пересмотреть понимание партийности. Сегодня текст этого выступления воспринимается как едва ли не идеальный образец советского конформизма, цель его кажется очевидной: подтвердить свою лояльность государственной линии, засвидетельствовать почтение политической организации, курирующей Союз писателей СССР.

Короткий мемуарный я-текст, обозначающий статус автора (далеко не все молодые писатели 1920-х гг. получали приглашение приехать в Италию в гости к Горькому!), по-своему логично приводит к пожеланию «любить партию, как Горький Ленина». Неоднозначность характера Горького подтверждается воспоминанием Катаева о недолгом времени, проведенном рядом с ним. Выдающимся писателем Горького сделала партийность, и здесь Горькому повезло: сам Ленин был его учителем партийности. Горький передает свою веру в партийных руководителей молодым писателям. Горький и Катаев формально беспартийны, но идеи партии позволяют им понять логику жизни, поэтому качество текстов Катаева напрямую зависит от его чувства партийности. Хочешь быть хорошим писателем – будь «духовно партийным». В докладе были названы также имена столпов советской литературы – Демьяна Бедного и Владимира Маяковского, так что в принципе он мог быть интерпретирован в соответствии с известными словами последнего о приравнивании пера к штыку и мечте о том, «чтоб в дебатах потел Госплан», «давая задание на год» [Маяковский, 1940, с. 241] советскому писателю.

Центральной темой речи, таким образом, стала не столько сама партийность, сколько плодотворность служения писателей советской власти, а также дружба писателей и партии в лице ее партийных лидеров. Обсуждение идей партии с опытными коммунистами, по уверению Катаева, помогает писателю обрести зрелость и стать мудрее.

Выступление В. Катаева, рядовое по месту в общем ходе съезда, характерно для катаевского творческого поведения: он с середины 1920-х гг. и до конца жизни сделал подчеркнутую лояльность к требованиям власти своей тактикой в текстах публицистической направленности. Речь типична для своего времени, если не обращать внимание на несколько деталей. Как пример «зрелости и мудрости Горького» Катаев приводит роман «Жизнь Клима Самгина», который при всем желании трудно однозначно подвергать и под метод социалистического реализма, и под тогдашнее строгое понимание партийности. Выступающий даже не упоминает того факта, что сам в это время занят подготовкой нового издания – журнала «Юность», который уже в следующем, 1955-м, году изменит представление о том, каким должно быть молодежное издание, и предопределит умонастроения целого поколения советских людей на годы вперед.

Катаев в речи проговаривает, видимо, принципиально важные для себя проблемы. В 1954 г. Катаеву, как и Горькому, о котором идет речь в выступлении, тоже было под шестьдесят, и он, приняв предложение стать главным редактором нового издания, готовится к той роли, которую приписывает Горькому, – наставника молодых авторов и – шире – молодежи как потенциальной аудитории «Юности». В этом контексте речь о партийности, дружбе и любви к ВКП(б), недавно переименованной в КПСС, приобретает иное звучание.

Выступление Катаева принадлежит главному редактору нового издания, рассчитанного на молодую аудиторию. Издания, которое должно было, с одной стороны, воспроизводить и поддерживать ценностные установки будущих строителей коммунизма, а с другой – соответствовать представлениям главного редактора о том, что каждое новое поколение приходит в мир, чтобы – Катаев нередко цитировал эти слова Ю.Олеши – «колебать мировые струны». Эта задача кажется сегодня практически невыполнимой, тем не менее журнал под руководством Катаева с ней успешно справился.

В государственно-партийном издательстве «Молодая гвардия», где предполагалось издавать «Юность», в 1950-е гг. печатаются такие предназначенные для молодежи издания, как «Молодой большевик» (с 1954 г. – «Молодой коммунист»), «Молодой колхозник» (с 1962 г. – «Сельская молодежь») и «Молодая гвардия». Через них осуществлялась политика воспитания советской молодежи, которой старшим поколением был предложен «единственно верный» путь развития. Репрезентация «правильности», оформленная в достаточно строгую систему знаков, в советских изданиях ревизии не подлежала. А вот в демонстрации того, в каких условиях должен пролегать этот путь, журналы могли допускать разночтения. Задача главного редактора нового издания как раз и заключалась в том, чтобы, соблюдая принятые правила, в то же время четко обозначить новый поворот в молодежной политике.

Особенно заметны изменения, проявившиеся в катаевском журнале, по сравнению с текстом, поэтика которого сложилась в предшествующую эпоху, – «Молодой большевик (коммунист)» был создан «в помощь самообразованию комсомольцев, мечтающих попасть в ряды партии». Расположение рубрик в этом издании определяет не подлежащую пересмотру или обсуждению иерархию

говорящих: от высказываний вождя или Центрального комитета партии как источника коллективного разума в передовой статье до неустойчивых в своей идеологической безупречности литературы и искусства. Содержание рубрик от выпуска к выпуску качественно не меняется, темы статей и комментариев повторяются. Общение с молодой аудиторией, как явствует из организации издания, не предусматривает даже вопросов от нее: канализация информации происходит в единственном направлении – от старших к младшим.

Отсутствие элементов оформления, привлекающих читателя, также подчеркивает своеобразную позицию издания. Необходимость приобщения к партийному знанию для «настоящего советского человека» не нуждается в дополнительной актуализации. Все, о чем повествует это издание, является равно значимым, на большую важность того или иного положения указывает его повторение в виде цитат или заголовков. Партийная духовность, не нуждающаяся в приукрашивании, аскетическая сухость задают образ идеального читателя, жизнь которого проходит в атмосфере непрерывной партийной учебы, т.е. формирования из партийных идей интерпретационной рамки для восприятия реалий жизни.

Сам тип оформления «Юности» демонстрировал установку на репрезентацию перемен. Журнал, как отмечают тогдашние его читатели, удивлял сразу своей обложкой, яркой и каждый раз новой. В отличие от выходивших в СССР иллюстрированных еженедельников на обложке не было репортажных или постановочных цветных фотографий из советской жизни, низкое качество полиграфии которых не позволяло добиваться чистоты цвета и броской контрастности. Редколлегия «Юности» предпочла более эффектный вариант. Обложка была рисованной и горизонтально делилась на две части: ярко-красном фоне. В основу оформления журнала была положена модернистская мифология юности как периода самоопределения и выбора, широты интересов и связанной с этим известной неустойчивости, изменчивости. Цвет связывался также с устойчивым образом юности как яркого периода жизни. Смена цвета и рисунка обложки каждого номера при сохранении общего типа оформления соответствовала этой мифологеме. Кроме того, в обществе, поневоле предпочитающем «немаркое», люди реагировали на непривычную яркость как на признак свободы.

Вторая и третья страницы обложки «Юности» всегда были с цветными иллюстрациями, практически во всех номерах были цветные наклейки с репродукциями известных или новых картин, из номера в номер публиковались черно-белые иллюстрации к текстам, репортажные фотографии, фотоизображения авторов текстов. Иллюстрации предоставляли равные возможности читателям, живущим по всей территории СССР, получить зримое подтверждение тому, о чем пишут, возможность оставить об это *свое* представление, раздвинуть тогда еще лишенный телевидения мир, наконец, задать аудитории общую интерпретационную рамку.

В журнале с первых номеров было создано семиотически маркированное пространство, в котором располагались легко считываемые визуальные образы. Изображения, связанные с официальной партийной идеологией: традиционные эмблематические изображения красных гвоздик в ноябрьских номерах как знака революции, цветов яблони в майских номерах как знака Первого Мая, портретов революционных деятелей (Ленина, Крупской и др.) в качестве иллюстраций к отдельным материалам, располагались обычно в строго отведенном месте – на второй странице обложки. Тем самым место «партийности» строго отграничивалось, хотя одновременно символически подчеркивалась его приоритетность. В то же время, внешне сохраняя идеологическое единообразие, редакция постепенно расшатывает стилевую однотипность эпохи.

В результате был создан тип иллюстрированного периодического издания для юношества, который подготавливал «понимающего», «догадливого» читателя, способного воспринимать идеологию и эстетику переходной эпохи, когда возникает незаметный на первый взгляд, но последовательный конфликт идеологий. Локализованные, закостеневшие в своей неизменности символы государства соседствовали с меняющейся, многообразной картинкой «живой жизни», что подкрепляло и дополняло задаваемые в текстах образы ищущих себя героев, разнообразно и увлекательно развивающейся культуры. «Молодой большевик (коммунист)» и «Юность» можно рассматривать как тексты, воспроизводящие сменяющие друг друга типы дискурса. Вербально и визуально выраженный аскетизм сменяется гедонизмом по-советски, целеустремленность – широтой взгляда, единообразие форм выражения – разнообразием.

Чему собирается учить журнал? В первую очередь он предлагает читателю преодолевать свою ограниченность. Юность главного редактора пришла еще на дореволюционные времена, и

он, сам к середине 1950-х гг. отец двух молодых людей – дочери 1936 и сына 1938 года рождения, не мог не осознавать, что эта ограниченность во многом вызвана специфическими условиями формирования советского молодого человека в военные и послевоенные годы, когда государство стремилось – и имело все возможности для реализации этого стремления – очертить круг культурных впечатлений, а также жестко регламентировать способы их интерпретации. Потенциальная аудитория журнала «Юность» не изучала в школе Ф. Достоевского и С. Есенина, не слыхала про И. Бунина, не читала А. Блока, раннего В. Маяковского или тот же роман «Жизнь Клима Самгина», имела смутное представление о развитии искусства, особенно XX в., жила в достаточно строгой изоляции от внешнего, несоветского, мира.

Меняющиеся политические условия могли позволить старшим приоткрыть младшим мир недоступной им ранее культуры. В. Катаев явно стремился создать в своем журнале своеобразную зону опережающего развития, предлагая непривычные художественные решения и необычные проблемно-тематические ходы. Партийная учеба переставала изображаться как самое важное в жизни молодого советского человека, что обозначалось и через соответствующие визуальные решения.

Молодежи прививался вкус к извечным молодежным увлечениям: путешествиям, спорту, популярной музыке, разнообразному чтению, современному искусству. Жанровый диапазон литературы тоже был непривычен для советского молодежного издания: детективы, научно-фантастические повести, повести-путешествия. «Мы немало думали об этой встрече, старались угадать, что бы ты хотел найти, раскрывая в первый раз свой новый журнал? Интересный роман, который печатался бы с продолжением, обрываясь в самом неожиданном месте? Занимательный рассказ о делах своих ровесников? Веселые приключения? Фантастические истории о путешествиях на дальние планеты или в отдаленные прошлые и будущие времена?» [Письма, 1955, с. 10] – это фрагмент из вступления «От редакции» в первом номере журнала, помещенного, впрочем, в соответствии с общей установкой издания на расшатывание правил не в самом начале журнальной книжки.

Молодой человек должен искать себя, пробовать себя в разнообразных формах деятельности, он даже может совершать ошибки, но лишь для того, чтобы потом, обогащенным новым, в том числе отрицательным, опытом, добровольно вернуться на общую дорогу. Высшим проявлением пафоса катаевской «Юности» окажется так называемая «исповедальная молодежная повесть», начало которой положила «Хроника времен Виктора Подгурского» Анатолия Гладилина (1956), а пиком в развитии стал «Звездный билет» Василия Аксенова (1961) с их пафосом одновременно исповедальности, патетики, сентиментальности и иронии, свойственных юношескому мировосприятию в целом. Доминирующей остается идея значимости «долга» и «нравственных обязанностей» перед государством, только идеология беспрекословного подчинения *государственной воле сменяется идеологией добровольного приобщения к решению государственных задач, любопытства к различным явлениям культуры.*

Деятельность Горького, видимо, была для Катаева ролевой моделью. Ориентация на нее сказывалась в создании разновозрастной редакции «Юности», пестовании молодых литераторов, принятом в журнале. Рядом со знаменитыми Степаном Щипачевым, Львом Кассилем, Николаем Тихоновым, Николаем Носовым в «Юности» печатались никому тогда не известные Василий Аксенов, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Анатолий Кузнецов, Анатолий Приставкин, Аркадий и Борис Стругацкие и многие другие в будущем прославленные советские «шестидесятники».

Пока портфель журнала только наполнялся, Катаев предложил журналу своего рода установочный текст – вторую часть будущей тетралогии «Волны Черного моря» – «Хуторок в степи» (1955) – социально-психологическую повесть для подростков с элементами путевого очерка. Недоступная советским подросткам возможность дореволюционных мальчишек ездить в другие страны, поэтичное описание Италии, Германии, Швейцарии – все это призвано было будить воображение. Но советская повесть для юношества учила также особенному взгляду на окружающее: принципиально важным в картине мира советского человека было умение замечать и объяснять социальные противоречия через понятие «классовой борьбы». Катаев показывает, как его герой осваивает этот навык. И помогает ему в этом Горький. Главным событием во время пребывания братьев Бачеев в Неаполе оказывается забастовка извозчиков и кондукторов, поддержку которым оказыва-

ют русские эмигранты-революционеры во главе с Горьким. Партийность Горького, о которой говорит Катаев на писательском съезде, получает подтверждение в повести, отсылая читателей к «Сказкам об Италии» того же Горького, в которых эффектные изобразительные приемы помогают раскрыть политически однозначное содержание.

Катаевский журнал, формально соответствующий требованиям воспитания «нового» человека, в то же время предоставлял молодым авторам максимально возможный в тех условиях уровень творческой свободы. В. Катаев, несомненно, знал толк в компромиссах, умел лавировать на границе дозволенного, учитывая реальные возможности читателей, а также идеологической ситуации в стране, где даже приближающаяся «оттепель» предполагала не плюрализм в строгом смысле этого слова, но возможность разночтений в узких рамках общих целей и задач [Шестидесятые, 1992; Прохоров, 2007; *The Thaw*, 2013]. Главный редактор готовился к новой роли, искал покровителей среди писательских «кураторов», указывал им на преемственность своей роли воспитателя юношества, значимость своего положения как человека, связующего эпохи золотого века советской литературы и нового времени.

Сегодня логика и форма выражения катаевского выступления кажутся находящимися на грани пародии на официальный нарратив периода позднего сталинизма, но перед нами типичный для этого автора нехудожественный текст с характерным для его публичных выступлений симбиозом оголтелого официоза и задушевности, точности письма и имитации партийного стиля. Уникальность подобного текста в том, что, с одной стороны, к нему невозможно придаться, настолько точно он соответствует ожиданиям некоего воображаемого официального читателя, с другой – в нем заложена не опознаваемая пока современниками программа издания, которое, в конечном счете, окажется для своего времени не менее революционным, чем статья В. Померанцева или исповедь О. Берггольц.

Текст катаевской речи содержит в себе и программу взаимодействия с молодыми писателями (авторы начального периода существования журнала оставят об этом многочисленные воспоминания [Аксенов, 2013; Гофф, 1993; Евтушенко, 1998; Розов, 1995]), и надежду на преодоление своего творческого кризиса (роль неправоверной «Жизни Клима Самгина» сыграет «новая проза» В. Катаева), и скрытый упрек партийным вождям, которые в отличие от Ленина не были склонны дружить с литераторами и выслушивать их «беллетристику», а предпочитали иные способы взаимодействия, и просьбу о праве на ошибки (Горький их делал, и Ленин ему их прощал).

То, что в речи кажется проявлением лицемерия и даже деструкции – распада языка писателя, имеющего славу первоклассного стилиста, на деле оказывается конструктивной выработкой политики будущего молодежного издания, призванного найти компромисс между официальными требованиями к идейному воспитанию молодежи и модернистскими представлениями о сущности юности как периода человеческой жизни.

Библиографический список

- Аксенов В. «Юность» бальзаковского возраста: Воспоминания под гитару // Октябрь. 2013. № 8.
Бубеннов М. О новом романе Валентина Катаева «За власть Советов» // Правда. 1950. 16–17 янв.
Гофф И. Валентин Катаев и переделкинские чаепития // Юность. 1993. № 6.
Евтушенко Е. Волчий паспорт. М., 1998.
Ермилов В. Новый роман Валентина Катаева // Лит. газ. 1949. 30 сент.
Катаев В. П. Доклад // Второй Всесоюзный съезд писателей. 15–24 декабря 1954 г.: стеногр. отчет. М., 1956.
Маяковский В. В. Сочинения в одном томе. М., 1940.
Письма твоего сверстника. От редакции // Юность. 1955. N1.
Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». М., 2007.
Розов В. Феномен В. Катаева // Юность. 1995. № 6.
Шестидесятые как историко-культурный феномен // Искусство кино. 1992. № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2015

CONSTRUCTIVE CONTENT OF ONE CONFORMIST TEXT

М. А. Litovskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
marialiter@gmail.com

The paper analyzes Valentin Kataev's report at the Second Congress of the Writers of the USSR (1954) which can be considered as a sample of the "writing" of a Soviet conformist. In his report, Kataev reproduced common ideas of the 1940s and the 1950s' official discourse about party membership of literature, "friendship" between the party leaders and writers, literature management, etc. The Congress was a meeting with criticism/protection of the Soviet literature of the Stalin period as a main issue. However, the context of Kataev's statement gives a possibility to consider it as an allegorically stated program of the "Yunost" journal (1955) with Kataev as the Editor-in-Chief. Considering his own life and literary experience as some kind of the "bridge" between the 1920s – 1950s literature, Kataev sought to create an essentially new type of the Soviet youth edition. The comparison of the first issues of "Yunost" with the articles of "Molodoy communist" (another journal of the same publishing house "Molodaya Gvardiya") demonstrates that the idea of the versatility of a young man's life that should be as interesting as possible, was the basic ideological point of the new edition. The specifics of the journal's content was aimed to make a compromise between official requirements to ideological education of the Soviet youth and a modernist idea of youthful age. The "faithful" rhetoric of Kataev's report, at first sight showing his loss of the talent of a "brilliant stylist", in fact, was an attempt to formulate an uncommon purpose of the new edition and at the same time to acquit it.

Key words: literary policy of the USSR, conformism, Russian literature of the 20th century, the journal "Yunost", Valentin Kataev.

References

- Aksenov V. «Yunost'» bal'zakovskogo vozrasta: Vospominaniya pod gitaru. *Oktyabr'*. 2013. № 8.
Bubennov M. O novom romane Valentina Kataeva «Za vlast' Sovetov». *Pravda*. 1950. 16–17 yanv.
Ermilov V. Novyy roman Valentina Kataeva. *Literaturnaya gazeta*. 1949. 30 sent.
Evtushenko E. Volchiy pasport. M., 1998.
Goff I. Valentin Kataev i peredelkinskie chaepitiya. *Yunost'*. 1993. №6.
Kataev V.P. Doklad. *Vtoroy Vsesoyuznyy s'ezd pisateley*. 15–24 dekabrya 1954 g.: ctenogr. otchet. M., 1956.
Mayakovskiy V.V. Sochineniya v odnom tome. M., 1940.
Pis'ma tvoego sverstnika. Ot redaksii. *Yunost'*. 1955. N1.
Prokhorov A. Unasledovannyi diskurs: paradigmy stalinskoy kul'tury v literature i kinematografe «ottepeli». M., 2007.
Rozov V. Fenomen V. Kataeva. *Yunost'*. 1995. № 6.
Shestidesyatye kak istoriko-kul'turnyy fenomen. *Iskusstvo kino*. 1992. № 4.